УДК 930 (470) «1946/1947»

Демина Ю. В.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ГОЛОДА 1946–1947 ГГ. В РСФСР: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ[1]

В статье представлен анализ современной историографической ситуации вопроса о демографических последствиях голода 1946–1947 гг. в РСФСР, приведены основные оценки потерь населения от голода. Исследование показало, что на сегодняшний день отсутствует единая оценка жертв от голода 1946–1947 гг. в исторической науке.

Ключевые слова: голод, смертность, демографическая катастрофа, историография

Послевоенный период 1946–1947 гг. выдался для населения страны очень трудным, вслед за Великой Отечественной войной вновь обрушились тяжкие испытания — голод 1946–1947 гг. Истощенная войной страна была не в состоянии предотвратить трагедии.

Споры о причинах, масштабах и последствиях голода активно ведутся как отечественными, так и зарубежными исследователями. Пик изучения голода 1946–1947 гг. пришелся на 1990–2000-е гг., когда перед исследователями распахнулись архивы с ранее неизведанной источниковой базой. Смена режима власти, перестроечные настроения и господствующий в обществе плюрализм мнений способствовал развитию исторической науки. Исследователи стали активно обращаться к слабо изученным темам с возможностью использовать критический взгляд на советский опыт.

Целью статьи является анализ современной отечественной и зарубежной историографии по проблеме демографических последствий голода 1946–1947 гг. в РСФСР. Автором не рассматриваются вопросы, связанные с другими аспектами изучения голода 1946–1947 гг.: причины, масштабы голода, государственная политика по отношению к деревне и пр.

По мнению современных исследователей, голод 1946–1947 гг. являлся основным фактором изменения динамики воспроизводства населения в первое послевоенное пятилетие. При изучении демографических последствий голода исследователи пытаются не только дать количественную оценку демографических потерь, но и проследить влияние голода и сопутствовавших ему эпидемий на воспроизводство населения, его миграционное движение.

В.Ф. Зима, один из первых отечественных исследователей, обратившийся к проблеме голода утверждает, что от голода в СССР умерло не менее 2 млн чел. [4, с. 179]. Другой отечественный историк В.П. Попов считает, что эта цифра была ниже — сверхсмертность населения РСФСР составляла чуть меньше 1 млн чел. [7, с. 87]. Историк-демограф В.А. Исупов привел данные о 800 тыс. чел. [5, с. 226]. М. Андреев, Л.Е. Дарский, Т.Л. Харькова говорят о более чем 500 тыс. чел. умерших от голода [1, с. 141]. Исследователь

[1] © Демина Ю. В. Текст. 2018.

А. В. Шалак дискутирует с выводами В. Ф. Зимы о гибели 2 млн чел. от голода: «В. Ф. Зима включает в число умерших от голода и тех, кто умер от различного рода эпидемий, включая тиф, а также дизентерии. Одним словом получается, что чуть ли не у всех умерших причиной смерти являлся голод» [8, с. 126]. По мнению А. В. Шалака, в 1940-е гг. неоднократно отмечаются вспышки эпидемических заболеваний, связанные с перемещением огромных масс населения, (эвакуация, реэвакуация, репатриация, мобилизация на различные работы, демобилизация и др.), что способствовало быстрому распространению эпидемий, которые не могли предотвратить санитарно-эпидемиологические мероприятия, весьма эффективные для своего времени [8, с. 126]. В связи с этим автор отмечает, что голод стал причиной смерти не более 200 тыс. чел. [8, с. 124].

Голод отрицательно сказался на динамике рождаемости, увеличение смертности происходило во всех возрастных группах, но особенно резко среди детей. В целом по стране в 1947 г. по сравнению с 1946 г. детская смертность увеличилась на 51 %, но при этом она оставалась значительно ниже предвоенного 1940 г., когда также отмечался всплеск детской смертности. Умерло детей в возрасте до 1 года на 1 тыс. родившихся в 1940 г. — 189, в 1946 г. — 69, в 1947 г. — 115, в 1948 г. — 85 [8, с. 123]. Неокрепший детский организм тяжелее переносит заболевания. По расчетам В. Б. Жиромской, в целом в РСФСР коэффициент младенческой смертности (до 1 года) поднялся до 127,5 ‰, то есть по сравнению с 1946 г. в 1,7 раза [3, с. 293].

Авторы многотомного издания «Население России в XX веке: исторические очерки» отмечают высокий коэффициент смертности в 1946 и 1947 гг.: соответственно 167 ‰ и 190 ‰ [6, с. 344]. В масштабах страны максимальный процент смертности населения отмечался в Украине и Молдавии, по России — в Поволжье, Центрально-Чернозёмном районе, а также до некоторой степени — на Урале и в Сибири [6, с. 266]. Историк-демограф В. Б. Жиромская отмечает отрицательный прирост населения в некоторых регионах, охваченных голодом: Воронежской, Ярославской областях в 1947 г. отмечен отрицательный прирост населения — соответственно — 0,8 ‰, — 0,2 ‰. В Тамбовской и Вологодской областях смертность превысила рождаемость в 1,2 и 1,5 раза соответственно [3, с. 293].

Основная часть населения во время голода умирала от причин экзогенного характера. Недоедание и употребление в пищу суррогатов приводило к ослаблению организма. Организм человека не мог сопротивляться инфекциям, что вызвало рост заболеваемости. Поэтому основной причиной роста смертности стала не дистрофия, а инфекционные болезни. По расчетам А. В. Шалака, максимальный показатель смертности от дистрофии достигал 10 % от общего числа людей, которым был поставлен данный диагноз. В 1947 г. этот показатель был характерен только для Молдавии, где была наиболее тяжелая ситуация. По Украине и России уровень смертности от дистрофии не превышал 5 %. То есть уровень смертности от дистрофии на этот период не превышал 0,15 % [8, с. 124].

Помимо голода негативным фактором, осложнявшим эпидемиологическую обстановку, являлась слабая благоустроенность городских поселений и скученность населения. Водопровод и канализация не обеспечивали нужды всех горожан, банно-прачечная система действовала некачественно, очистка улиц от мусора и нечистот проводилась нерегулярно. Все это способствовало росту заболеваемости инфекционными болезнями в городах, в частности желудочно-кишечными инфекциями.

Последствия голода 1946–1947 гг. привлекли внимание многих зарубежных исследователей. Профессор Амстердамского университета М. Эллман, исследуя масштабы катастрофы отмечет, что голод начался в июле 1946 г., а пик голода пришелся на февраль — август 1947 г. и смертность от голода составила от 1 до 1,5 млн чел. В процентном соотношении самый большой уровень смертности наблюдался в Молдавии, а наименьший — в России [9, с. 197–198].

Профессор кафедры российской истории Университета Восточного Лондона Дональд Фильцер определил географические масштабы голода — неурожай разразился не только в России, но и в Молдавии и на юге Украины, причем именно в этих двух республиках была повышенная смертность, Молдавия потеряла примерно 5 % населения, а Украина около 1 % [10, p. 164]. В промышленных центрах Свердловской области численность смертей в 1947 г. выросла на 54 % по сравнению с 1946 г. В городах Челябинской области она подскочила на 63 %, и на 83 % в Магнитогорске [10, p. 209]. В 1947 г. был резкий всплеск младенческой смертности: в районах Иваново, Ярославль, Горький, Свердловск, и Златоуст один из каждых пяти родившихся детей умирал в первый год жизни. В Куйбышеве, Казани, Молотове, Челябинске и Уфе смертность была одной из шести. По всему РСФСР младенческая смертность выросла на 63 % в 1947 г. по сравнению с 1946 г. Смертность в городских районах выросла на 67 %, а в сельской местности на 60,3 % [10, p. 210]. Что касается всей смертности по РСФСР, то она выросла на 37,3 % в период 1946–1947 гг. Смертность среди городского населения увеличилась на 44,1 % против 32,5 % в сельской местности [10, p. 211]. Таким образом, голод 1946–1947 гг. отличался от предыдущих продовольственных кризисов, так как основную тяжесть голода приняло городское население.

Американский историк Николай Гансон в своих работах раскрывает проблемы младенческой смертности и судьбы беспризорных детей [2, с. 389–390]. Автор отмечает, что голод совпал с началом демографического взрыва, то есть с резким скачком рождаемости, связанным с массовой демобилизацией весны-лета 1945 г., продолжавшейся и в последующие два года. Мужчины возвратились в семьи, семьи стали быстро расти. Младшие дети и стали одной из главных жертв голода» [2, с. 395].

Послевоенной голод явился тяжелым испытанием для всего советского народа. Несмотря на большое внимание исследователей к проблеме голода 1946–1947 гг., вопрос о демографических последствиях полностью

не решен учеными и требует дальнейшего комплексного рассмотрения. Решение этого вопроса возможно с изучением региональных особенностей голода 1946–1947 гг. на всей бывшей территории РСФСР.

Список источников

1. Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харькова Т. Л. Демографическая история России. 1926–1959 гг. — М. : Информатика, 1998.

2. Гансон Н. Детская смертность и государственная политика в СССР в годы послевоенного голода // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. — 2006. — № 17.

3. Жиромская В. Б. Проблемы демографического развития России в XX веке // Труды Института российской истории. Вып. 9 / Рос. акад. наук, Ин-т российской истории; отв. ред. А. Н. Сахаров, ред.-коорд. Е. Н. Рудая. — М.; Тула : Гриф и К, 2010. — 524 с.

4. Зима В.Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов. Происхождение и последствия. — М. : ИРИ РАН, 1996. — 265 с.

5. Исупов В. А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века. — Новосибирск : Сибирский хронограф, 2000. — 243 с.

6. Население России в XX веке. Исторические очерки. Т. 2. 1940–1959 гг. / Отв. ред. В. Б. Жиромская. — М., 2001.

7. Попов В. П. Причины сокращения численности населения РСФСР после Великой Отечественной войны // СОЦИС. — 1994. — № 10.

8. Шалак А. В. Голод в 1940-е гг. Оценка масштабов и социальная география. На примере Восточной Сибири // Иркутский историко-экономический ежегодник. — Иркутск : Байкальский государственный университет, 2010.

9. Эллман М. Голод 1947 г. в СССР // Экономическая история. Обозрение. Вып. 10 / под ред. Л. И. Бородкина. — М., 2005.

10. Filtzer D. The Hazards of Urban Life in Late Stalinist Russia. Health, hygiene, and living standards, 1943–1953. — New York, 2010.

Информация об авторе

Демина Юлия Викторовна — аспирант, Институт истории и археологии УрО РАН (620990, Россия, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16; e-mail: milay033@mail.ru).

Demina Yu. V.

Demographic Consequences of the Hunger 1946–1947 in the Rsfsr: Historiographic Aspect

The article presents an analysis of the modern historiographic situation around the issue of the demographic consequences of the famine of 1946–1947 in the RSFSR; the main estimates of population losses from hunger are given. The study showed that today there is no single assessment of victims from the famine of 1946–1947 in historical science.

Keywords: famine, mortality, demographic catastrophe, historiography.

References

1. Andreev E. M., Darsky L. E., Kharkov T. L. The demographic history of Russia. 1926–1959. — M., 1998.

2. Hanson N. Child mortality and state policy in the USSR during the years of the post-war famine // Dialogue with time. Almanac of intellectual history. — № 17. — M., 2006.

3. Zhiromskaya V. B. Problems of the demographic development of Russia in the twentieth century // Proceedings of the Institute of Russian History. Iss. 9 / Russian Academy of Sciences, Institute of Russian History; ed. A. N. Sakharov. — M.; Tula, 2010.

4. ZimaV. F. The famine in the USSR in 1946–1947: the origin and consequences. — M., 1996.

5. Isupov V. A. Demographic catastrophes and crises in Russia in the first half of the XX century. — Novosibirsk, 2000.

6. The population of Russia in the XX century: historical essays. Vol. 2. 1940–1959 / ed. V. B. Zhyromskaya. M., 2001.

7. Popov V. P. The causes of the decline in the population of the RSFSR after the Great Patriotic War // SOCIS. — 1994. — № 10.

8. Shalak A. V. Hunger in the 1940s: scale assessment and social geography. On the example of Eastern Siberia // Irkutsk Historical and Economic Yearbook. — Irkutsk, 2010.

9. Ellman M. Golod 1947 in the USSR // Economic History. Review. Iss. 10 / ed. L.I. Borodkin. — M., 2005.

10. Filtzer D. The Hazards of Urban Life in Late Stalinist Russia: health, hygiene, and living standards, 1943–1953. — New York, 2010.

Author

Demina Julia Viktorovna — Graduate Student, Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (16, S. Kovalevskoy St., Ekaterinburg, 620990, Russia; e-mail: milay033@mail.ru).